

— Живая, — ответил Чжун Мин с невозмутимым видом. — Сами взгляните — всё сразу ясно станет.

Он мельком глянул на подошедшего управляющего и сразу узнал: человек из уважаемого дома Хуан с Восточной улицы, ведаёт закупками для кухни второй ветви. Прежде, когда Чжун Мин слонялся по уезду без дела, он нарочно запоминал таких вот приказчиков от зажиточных семей. Мало ли, поднесёшь кому в нужный момент что надо, сделаешь мелкое поручение — глядишь, и перепадёт пару медяков из хозяйской щедрости, как раз на кувшинчик вина.

Управляющий, не мешкая, подошёл поближе и ткнул пальцем в приоткрытую створку раковины. Оттуда повеяло морской сыростью. Он удовлетворённо кивнул:

— Сегодня тебе повезло. Старая госпожа в нашем доме как раз изволила пожелать супа с цзяньяо и зимней тыквой.

Толпа, услышав это, шумно загудела: выходит, ради какой-то обычной похлёбки, что варят в каждой хижине, эти богатеи готовы выложить пять лян серебра. Да уж, у зажиточных свои причуды, и тратят они деньги по-своему.

— Ваш господин, видно, человек почтительный, — с лёгкой улыбкой подхватил Чжун Мин. — Наши старики, как увидели эту раковину, так и сказали: долголетие у неё большое, вещь благословенная, прямая удача. В самый раз старой госпоже на подарок, дабы пожелать крепкого здоровья.

Управляющий удивлённо приподнял брови. Он не ожидал, что этот рыбак вдруг окажется столь красноречивым. Обычно считается, что народ с воды — люди неучёные, грубые и дерзкие.

Он провёл ладонью по своей аккуратно подстриженной бородке и с прищуром улыбнулся:

— А и впрямь, всё как ты сказал.

После чего обернулся и велел одному из слуг подойти и аккуратно перевязать цзяньяо бечёвкой. Такая вещь, коль уж предназначена для дома Хуан, да ещё и подается как подношение от второй ветви семьи, должна быть доставлена не абы как — а чтобы пройти через весь рынок с достоинством. Чем больше зевак увидят диковину, тем выше поднимется престиж хозяина, и тем оправданнее потраченные деньги.

Пять лян серебра сменили руки — Чжун Мин под завистливые взгляды окружающих лавочников неторопливо свернул свой прилавок. Он не спешил возвращаться домой. Сначала заглянул в зерновую лавку, купил два шэна грубого риса и два цзиня сухой рисовой лапши, затем завернул к мяснику — выбрал кусок свинины с приличным слоем жира. Проходил мимо лотка с засахаренными фруктами — взвесил три лян апельсиновых цукатов в меду, разложил по двум промасленным бумажным свёрткам: один себе, другой — в подарок в дом второй тёти.

В Цзююэ апельсины — один из самых дешёвых плодов: крупные и мелкие, в сезон буквально устилают горные склоны. Даже после вымачивания в сиропе они стоят гроши. Зато стоит увезти их на север — цена вырастает в разы. Как говорится, «южный апельсин, северный колючий куст» (□□□□ — идиома о том, что всё зависит от условий). В прошлой жизни, в казармах, Чжун Мин нередко сталкивался с северянами, что ни разу в жизни и не пробовали, каков на вкус апельсин.

Вспомнив, что сегодня на столе у старой госпожи в доме Хуан подадут суп с цзяньяо и зимней тыквой, он зашёл к овощному прилавку и подобрал пару длинных тыкв. Крупные цзяньяо он продал, но ведь мелкие добыть — не проблема. Раз ест старая госпожа — съедим и мы.

Так обойдя все нужные места, он почувствовал, как тяжелеет коромысло на плечах. Пора. Чжун Мин вернулся на пристань, сел на лодку и отправился назад, в Байшуйао.

Вечером, под аромат тушёного мяса с соевым соусом, он взял младшего брата и пошёл на судно второй тётки — отмечать первый в этом году выход в море за медузами. Всё-таки, подобный день требует достойного ужина, чтобы зарядиться силами и духом.

Голову медузы нарезали мелко, кожицу — тонкими полосками, всё это смешали со свежим огурцом, щедро полили ароматным уксусом и подали в раковине — прозрачное, сверкающее, как хрусталь. На вкус — прохладное, освежающее, а на зуб — хрусткое.

Край медузы обжарили с диким луком — это самая упругая часть, и если пересушить на огне, легко пересолить и сделать жёсткой, но если угадать момент, получается на удивление вкусно.

Мозг медузы запекли в яйце — деликатес, который вне побережья и не сыщешь: не посолить, не засушить, стоит коснуться — распадается, как нежный тофу. Такая еда — из тех, что подают только в семьях моряков.

К столу также пошли варёные морские улитки «собачий зуб», морские ежи на пару, и тот самый долгожданный суп из мяса цзяньяо и зимней тыквы. Всё, кроме яиц и свинины, — дары дикой природы, выросшие в самом море: выставь хоть на целый стол — а обойдётся в сущие копейки. Морские ежи попались каждый с кулак величиной. Раскрыли панцири, выдали по ложке, и ешь себе прямо из руки — словно сухой рис черпаешь.

После ужина живот у Чжун Мина был округлым, словно бочка. А наутро — ещё до рассвета — снова вставать. Вперёд, в море. Так и потекли его дни: с первыми петухами — на ноги, потом — в море, забивать колья и ставить сети на медуз. В перерывах — нырнуть, собрать рыбы, крабов да улиток. После полудня — в деревню, продать добытое. Усидчивый, расторопный стал — и не скажешь, что ещё недавно был он тем самым нерадивым лодырем.

Жители деревни Байшуйао, заметив, как Чжун Мин резко изменился, только переглядывались — не понимали, с чего бы вдруг такая перемена. Лишь разузнав от семьи Чжун, что он, мол, дошёл до поры жениться, да потому и зашевелился, начинали кивать с пониманием. Но, как говорится, легче горы с места сдвинуть, чем переменить человеческую натуру. Всего

несколько дней он выказывал рвение, и то — жалкие крупички, не стоящие серьёзного разговора. Глядя на это, кто-то лишь плечами пожимал: ещё немного, надоест ему надрываться — и снова скатится в прежнюю лень.

Чжун Чунся, будто бы случайно, пыталась навести справки, есть ли где подходящие по возрасту девушки или геры, но каждый раз наталкивалась на глухую вежливую стену — то словом отговорят, то будто бы не поняли намёка. Сходив так туда-сюда несколько раз, она и сама всё поняла, перестала заговаривать на эту тему — и лишь тяжело вздыхала про себя, переживая за судьбу племянника.

Незаметно подкрался пятый день. Вечером Чжун Мин с весёлым азартом сидел на своей лодке, обняв глиняный кувшин с деньгами, и пересчитывал сбережения. Оказалось, помимо тех пяти с лишним лян, что он выручил за ту огромную цзяньяо, каждый день ему удавалось продавать рыбу и морские деликатесы примерно на два-три цян, а в лучший день — на целых четыре.

Отняв расходы на еду и нужды, в кувшине вдруг обнаружилось невиданное прежде богатство — более шести лян серебром. Этот кувшин остался ему от родителей. При жизни отец любил приговаривать: «Как кувшин полный будет — купим новую лодку, да и на свадьбу сыну хватит».

Одна лодка для сына — полжизни старайся, копи.

Глядя на эту грудку серебра, Чжун Мин мысленно усмехнулся: если ждать, когда накопит на новую лодку, да только тогда жениться — так и выйдет, что у Чжун Ху дети уже за соевым соусом начнут бегать, а он всё будет по рынкам сидеть, ракушками торговать.

Он поднял руку, потер лоб, думая о том, что даже если у него нет новой лодки, это ещё не значит, что за него никто не захочет выйти. В конце концов, если у всех туго с деньгами, то и придираться особо не к чему: ты беден, я тоже — лишь бы после свадьбы двое держались друг за друга, шли в одну сторону — глядишь, и жизнь наладится.

Окончательно утвердившись в этом намерении, он немного успокоился. Подумал: как только закончится сезон ловли медуз, пересчитает свои сбережения и попросит вторую тётку подыскать ему подходящую партию. Если не найдётся семья с девушкой, готовой за него идти, пусть будет гер — неважно, красив он или нет, лишь бы был опрятный, честный, и главное — ладил с младшим братом, чтобы в доме царило согласие и надёжность.

Пускай до всего этого было ещё далеко и ни одного шага в ту сторону он пока не сделал, но одних этих мыслей хватило, чтобы на сердце стало теплее.

Когда он уже начинал привыкать к размеренной, простой жизни, однажды вечером в деревне по призыву старосты вновь собрали народ и объявили: по всей вероятности, в течение двух ближайших дней на побережье обрушится тайфун. Затерявшись в толпе, Чжун Мин ощутил, как с души словно камень свалился. Всё было не зря — он изо дня в день твердил Шестому Дяде-гуну: то течение в море неестественное, то на дне какие-то водовороты. Тот, в свою очередь, с тревогой делился со старостами, и вот теперь — правильный вывод был наконец

озвучен вслух.

На этот раз весь Байшуйао заранее поднимет лодки на берег, и смертоносный ураган не настигнет их врасплох, как это случилось в прошлой жизни. А он не отойдёт от младшего брата ни на шаг и сохранит его целым и невредимым.

Учитывая, что вскоре нагрянут долгие проливные дожди, Чжун Мин, кивнув второй тётке в знак прощания, поспешил ещё до наступления темноты подняться в горы за хворостом. В конце концов, даже если и люди, и лодки будут выведены на берег, укрывшись от шторма в каменных домиках на склоне, вода для питья и готовки всё равно потребуется. А стоит только начаться дождю, как всё сухое дерево в лесу обернётся сырым и непригодным для растопки — не загорится. Так что хворост следовало заготавливать заранее, да чем больше, тем спокойнее на душе.

Чжун Мин не только сам занялся этим делом, но и взялся нарубить и для семьи Тан. Прикинул: за один раз не управиться, а вот если сходить дважды, должно хватить с лихвой.

Ближайший к Байшуйао холм назывался Гуаньцзышань — типичный для уездов Цзююэ ландшафт, где горы спускались прямо к побережью. Даже семьи, веками живущие на воде и зарабатывающие морским промыслом, время от времени поднимались в горы за хворостом, бамбуком, да и просто ради дикого урожая, что там иной раз попадался.

Пройдя этот путь снова, спустя целую жизнь, Чжун Мин шагал по знакомой тропинке, протоптанной до полного исчезновения травы — ею часто пользовались местные. На плече у него покачивалось бамбуковое коромысло, в руке — остро наточенный нож для рубки. Шёл он размашисто, твёрдой поступью. Все эти дни, полные вылазок в море, ныряния, забивания свай и установки сетей, словно оживили воспоминания о военных сборах, где приходилось вставать до рассвета и тренироваться до изнеможения — выковыывая тело за кратчайшие сроки. По сравнению с тем, каким он был в первые дни после возвращения, сейчас мышцы на руках и животе при напряжении стали ощутимо крепче и рельефнее.

Вот почему он и подумывал: пора бы уже обзавестись подходящим оружием — таким, чтобы и в воде пригодилось. К примеру, что-то вроде рогатки, какой пользуются для охоты на птиц, только переделать под воду, чтобы можно было бить рыбу — водяной лук, так сказать. Поэтому в этот поход в горы он решил, помимо сбора хвороста, присмотреть ещё и пару подходящих бамбуковых стволов — с прицелом на то, чтобы в последующие дни, когда море станет недоступным, не сидеть без дела, а как следует заняться этим делом.

Недалеко от входа в лес он повстречал кого-то из деревни, уже спустившегося с гор: на плечах у того покачивалось коромысло, с обеих сторон которого были увязаны внушительные вязанки дров.

— А-Мин, в гору собрался? — окликнул тот.

Чжун Мин кивнул в знак приветствия:

— Дядя Хун.

Он приподнял в руке нож для рубки:

— Да вот, раз надо будет жить на берегу несколько дней, на лодке хвороста не хватает.

Дядя Хун вскинул подбородок в сторону тропы:

— Тогда поторапливайся. В дождь сухой хворост днём с огнём не сыщешь. Пока не началось, иди да заканчивай пораньше. Завтра с утра народу в лесу будет больше, придётся идти дальше.

Чжун Мин с этим был вполне согласен.

— Тогда я пошёл, дядя. Вы сами аккуратнее по дороге.

Они разошлись, каждый в свою сторону, и вскоре Чжун Мин уже поднялся на уровень горной середины. В лесу было не так душно, как внизу: ступая в траву и сухие листья в соломенных сандалиях, он ощущал под ногами мягкий шорох, от которого воздух казался ещё более живым.

Где-то неподалёку доносился сухой стук — звук топора о дерево. Стало быть, как и он сам, с рассвета сюда поднялись ещё немало людей. Чем выше он поднимался, тем отчётливей становились эти звуки, и, дойдя до небольшой полянки, Чжун Мин с удивлением увидел, что один из дровосеков ему знаком.

Су И, заметив его, тоже поднял голову. Встретившись глазами, оба на мгновение замерли.

Чжун Мин невольно перевёл взгляд вниз и увидел у ног Су И сидящую кошку. Кошка была худющая, вытянутая, словно сама сшита из сухожилий, тёмно-серая с еле заметным рисунком — типичная дикая кошка, "воробьиная". В каком-то смысле она с хозяином были похожи: обе — тонкие, угловатые, будто выросшие впроголодь. Кошка заметила Чжун Мина и тонко мяукнула.

Вот в таких обстоятельствах просто пройти мимо, не поздоровавшись, казалось почти невежливым, а вот что именно говорить — решительно непонятно. Всё-таки лес, чужая гора, одинокий парень и такой же одинокий гер, неловкость повисла в воздухе.

Не спрашивать же в самом деле: «Занят?» или «Уже ел?»

К счастью, была кошка.

— Это твоя кошка? — спросил Чжун Мин.

Су И, похоже, немного удивился, что Чжун Мин заговорил с ним. Он опустил глаза, глянул на кошку, на мгновение замолчал, прежде чем тихо ответить:

— Не совсем. Я всего лишь несколько раз её подкармливал. С тех пор, как только увидит меня — начинает следовать.

Чжун Мин кивнул.

— Умная, значит. Такая окраска редкая — слышал, что ловит крыс на загляденье. Почему не взял её к себе на лодку?

Среди водных жителей было делом обычным держать кошек не ради забавы, а чтобы те крыс гоняли. На судне и крупа, и масло, и рыба, и мясо — ничуть не хуже наземных кладовых, а потому мышей и крыс хватало. Более того, в отличие от сухопутных, морские крысы умеют плавать - и в воде плывут легко, и обратно на борт вскарабкаются без труда, ещё и на берег направятся, не утонув. Без кошки с ними не справиться.

— Это не моя лодка, я там не распоряжаюсь, — тихо сказал Су И. — К тому же моя тётка не любит кошек.

Кошка, разумеется, разговоров не понимала. Она тёрлась о штанину Су И, подняла голову и жалобно мяукнула. Су И чуть скривил губы в подобии улыбки, порылся в кармане и достал сушёного моллюска — угостил.

Оказывается, этот гер умеет и улыбаться, — с неожиданной для самого себя мыслью отметил Чжун Мин и невольно задержал на нём взгляд чуть дольше.

Разговор на том и прервался — в конце концов, кроме той истории с опрокинутой корзиной у них за душой ничего и не было, о близости речь не шла. Су И покормил кошку и заметил, что Чжун Мин уже сосредоточенно занялся рубкой дров. После этого оба погрузились в дело, каждый — в своё, не мешая друг другу.

Заготовка хвороста — занятие не из лёгких. Конечно, в счёт шли и сухие деревья, и ветки, и даже виноградные лозы, хватало бы рук — но то только у крепких мужчин, которые могли валить деревья с корнем. Слабосильные — женщины, геры, дети — большей частью собирали валежник: хватали то, что уже валялось под ногами, вязали в пучки и тащили вниз с горы. Но даже на это нужно немало сил и терпения.

Су И в этом плане выбивался из общего ряда. Несмотря на хрупкое телосложение, двигался он удивительно резво. Чжун Мин несколько раз оборачивался и видел, как тот с хрустом вонзал топор в сухое дерево. Прошло немного времени — дерево рухнуло. Маленький гер тут же с трудом, но упрямо потащил его в сторону, а затем ловко и привычно взялся обрубать сучья.

Движения у него были отточенные, ловкие, как у человека, давно знающего, что делает. Это невольно напомнило Чжун Мину, как тот в тот вечер перебирал овощи — уверенно, сноровисто, будто всю жизнь только этим и занимался.

И внезапно в голову закралась мысль: пожалуй, этот гер знает, как вести хозяйство.

Су И только что свалил дерево, но и Чжун Мин не отставал — за счёт роста и силы, его связки хвороста выходили вдвое объёмнее. Он собрал всё в кучу, стянул верёвкой, выпрямился, переводя дух, и машинально глянул в сторону соседней поляны.

...Постойте. А где этот гер?

Хворост и коромысло Су И остались лежать на месте, а сам гер исчез.

Чжун Мина тут же кольнуло нехорошее предчувствие. Всё-таки это горы, а у Су И как ни крути, тело хрупкое, кости тонкие, словно и вправду как в поговорке, даже у тигра меж зубов не застрянет.

Но в следующую секунду он сам себе возразил: если бы поблизости действительно шастал зверь, он бы не мог этого не заметить. Скорее всего, Су И просто увидел по пути какие-нибудь съедобные грибы или ягоды и, ничего не сказав, побежал их собрать.

«Вечно накручиваю...» — недовольно подумал Чжун Мин. Сам не знает, чего с ним в последнее время — не иначе как армейская привычка даёт о себе знать. Стоит чему-то в кустах пошуршать, или тени неровно лечь — он уже весь в тревоге, сердце готово в пятки уйти. Вот и сегодня: как только староста ударил в гонг, собирая людей на сход, а его внук вдобавок затрубил в большую морскую раковину. По округе разнесся низкий гул, а у Чжун Мина на миг кровь застыла — показалось, будто снова услышал сигналы военного лагеря.

Он уже собрался окончательно успокоиться и признать, что просто разволновался понапрасну, как вдруг из глубины леса, с той стороны, где только что был Су И, резко донёсся пронзительный, жалобный кошачий визг.

<http://bllate.org/book/13583/1204986>